

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

БИЗНЕС КАК ИСТОЧНИК РЕКРУТИРОВАНИЯ ЧЛЕНОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ В 2000–2021 ГГ.

Денис Борисович Тев (denis_tev@mail.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Тев Д.Б. (2022) Бизнес как источник рекрутирования членов Правительства РФ в 2000-2021 гг. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(4): 46–78. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.3>

Аннотация. Статья посвящена анализу роли бизнеса как источника рекрутирования федеральной правительственной элиты России в 2000–2021 гг. Эмпирической основой исследования служит биографическая база данных, которая включает сведения о карьерном пути 136 персон, входивших в правительство РФ в этот период. В результате исследования выявлено, что бизнес является наиболее значимым поставщиком членов кабинета за пределами административной сферы. Большинство членов правительства имели постсоветский опыт работы в коммерческих организациях (обычно на ключевых должностях), но чаще всего косвенный: позиции в бизнесе редко служат прямым трамплином к министерским постам. Доля выходцев из бизнеса варьирует в зависимости от типа правительственной должности (больше всего их среди экономических министров) и во времени (особенно много их в кабинете во главе с М.В. Мишустиным). Что касается типа бизнеса, то существенная доля членов правительства имеет опыт работы в крупнейших фирмах. Хотя занятость в частном секторе распространена более широко, госсектор является основным непосредственным поставщиком членов кабинета из коммерческой сферы. Распространена практика рекрутирования министров из отраслей, которые подведомственны соответствующим министерствам. Подробно рассматриваются различные факторы рекрутирования выходцев из бизнеса на правительственные должности. Среди них форма правления и политический режим, особенности правового статуса членов правительства, структурная и инструментальная власть бизнеса, зависимость государства от бизнеса в плане управленческой и технической компетентности, наличие крупного государственного сектора в экономике и «кумовской» характер капитализма.

Ключевые слова: правительство, министры, бизнес, карьера, рекрутирование, элита.

Введение

Социально-профессиональные источники рекрутирования членов правительства и, в частности, роль бизнеса как поставщика министров — значимый предмет исследования в силу двух обстоятельств.

Во-первых, состав правительственной элиты, включая присутствие в ней выходцев из бизнеса, является продуктом процессов политического рекрутирования, которые, в свою очередь, зависят от ряда особенностей политической и общественной системы, формирующих структуру возможностей министерской карьеры (Cotta 1991: 174–175). В этом смысле анализ социально-профессиональных характеристик российских министров, включая опыт работы в коммерческой сфере на протяжении длительного периода, позволяет лучше понять эти особенности в их исторической динамике, в том числе политический режим и характер взаимоотношений бизнеса и государства в России.

Во-вторых, опыт работы в бизнесе способен влиять на политическое поведение правительственных деятелей, а следовательно, его анализ может быть важен для объяснения и прогнозирования политики государства. Бизнесмены, занявшие государственные посты, необязательно воспринимают себя как представителей и защитников бизнеса, тем более конкретных отраслей и фирм, из которых они пришли, и могут думать в терминах интересов государства и общества. Однако их профессиональная социализация способствует формированию у них, с одной стороны, симпатии к бизнесу и понимания его потребностей, а с другой — сильных социальных связей в коммерческой сфере (Wirsching 2018: 3–5). В силу этого, а также озабоченности таких государственных деятелей возможностью возобновления карьеры в бизнесе после отставки, они могут быть склонны проводить дружественную ему политику. В этой связи стоит отметить, что ряд эмпирических исследований законодателей за рубежом и в России выявил, что выходцы из бизнеса в большей мере, чем другие депутаты, поддерживают благоприятное ему законодательство (Witko, Friedman 2008; Chaisty 2013, Carnes, Lupu 2015; Hansen, Carnes, Gray 2019). Кроме того, на российском материале показано, что мэры, пришедшие из бизнеса, расставляют политические приоритеты, выгодные деловому сообществу (Szakonyi 2020). Тем не менее на примере городских советов Калифорнии не было найдено доказательств того, что политики с опытом в бизнесе правят иначе, чем политики без него (Beach, Jones 2016). Что касается правительственной элиты, то исследование более 500 политических лидеров из 72 стран за период 1970–2002 гг. показало, что главы правительств, которые были предпринимателями до вхождения в политику, с большей

вероятностью проводили либеральные рыночные реформы (Dreher, Lamla, Lein, Somogyi 2009). Другое исследование обнаружило, что министры финансов земель ФРГ, имевшие предшествующий опыт работы в финансовом секторе бизнеса, достигают существенно более низкого бюджетного дефицита, тогда как министры с предшествующим опытом в нефинансовом бизнесе допускают более высокий дефицит (Jochimsen, Thomasius 2014). Наконец, проведенное также в ФРГ исследование выявило, что рост в составе федерального правительства доли бывших членов правлений компаний способствует снижению средней ставки подоходного налога для самых высокооплачиваемых работников (Scharfenkamp 2016).

Выходцы из бизнеса в правительственной элите за рубежом и в России: обзор исследований

Роль бизнеса как источника рекрутирования членов правительства в разных странах варьирует. В США бизнес, наряду с политической, юридической и академической сферами, один из основных поставщиков членов кабинета (Freitag 1975; Nicholls 1991). Так, доля выходцев из бизнеса в кабинетах в 1961–1992 гг. составляла примерно треть (Bennett 1996: 126). По более свежим данным, в сформированном после выборов 2016 г. кабинете Д. Трампа доля бизнесменов также достигала трети (в прессе его называли «кабинетом миллиардеров»), а в предшествующем кабинете Б. Обамы бизнесменом был каждый пятый («Кабинет миллиардеров»... 2017; Команда Трампа... 2017). Впрочем, Т. Гилл дает более высокие оценки: доля членов кабинета, принадлежавших до вхождения в должность к корпоративной элите (которую он понимает шире, относя к ней и корпоративных юристов), в период 1968–2018 гг. колебалась от 36,6 % при Б. Клинтоне до 72,2 % при Д. Трампе (Gill 2018: 5).

В Западной Европе, где, в отличие от США, важнейшим агентом социализации и источником рекрутирования министров является парламент, в профессиональном плане среди них наиболее широко представлены юристы, преподаватели и гражданские служащие, при этом бизнес играет более скромную, хотя и заметную роль в качестве поставщика правительственной элиты. Так, доля бизнесменов среди министров 14 западноевропейских стран в первые четыре послевоенных десятилетия оценивалась в среднем в 9 % (четвертый по значимости источник рекрутирования), причем особенно много их было в правовых и правоцентристских правительствах (Thiebault 1991: 22). Однако, как показывают другие исследования, присутствие выходцев из бизнеса в правительстве сильно варьирует по странам: от минимального, например в Греции (Sotiropoulos,

Bourikos 2005: 167), до весьма внушительного, например в правительстве Франции, сформированном после избрания президентом Э. Макрона (Заранкин 2018: 73).

За пределами Запада бизнесмены также в различной степени представлены в правительствах. В частности, в ряде постсоциалистических демократий Восточной Европы выходцев из бизнеса среди министров существенно больше, чем в старых европейских демократиях, например в Венгрии их доля превышала треть, а в Румынии достигала одной пятой (Ponszki, Laurentiu 2018: 227). В Латинской Америке в первой половине 2000-х годов они составляли от более половины министров в Колумбии до примерно четверти в Перу и Мексике, при этом в правительстве Чили их вовсе не было (Schneider 2010: 230).

В общем, как показывают зарубежные исследования, хотя выходцы из бизнеса обычно составляют только меньшинство министров, их доля в правительствах многих стран весьма заметна. Однако следует отметить, что сравнивать цифры, полученные разными исследователями даже в одной и той же стране, часто затруднительно. Это связано с различием используемых ими критериев отнесения министров к выходцам из бизнеса: какие именно организации причисляются к бизнесу, какие позиции в них учитываются, какой показатель карьерного опыта принимается во внимание (например, удельный вес работы в бизнесе во всей карьере или непосредственно предшествующая назначению должность в нем).

Что касается России, то проведен ряд исследований источников рекрутирования членов правительства. Они выявили, что ведущим их поставщиком служит административная сфера, государственная служба, при этом роль парламента как источника рекрутирования второстепенна и в 2000–2010-е годы ослабла в сравнении с правлением Б.Н. Ельцина (Semenova 2015). Что касается присутствия выходцев из бизнеса, то данные разнятся, видимо также в зависимости от используемых критериев. Так, согласно Е. Семеновой, оно невелико (в кабинете во главе с В.В. Путиным после 2008 г. бывших бизнесменов было 12 %) и в постсоветский период не обнаруживает явной тенденции. При этом в 2000–2008 гг. в правительстве были представлены главным образом бывшие менеджеры государственных предприятий, а не выходцы из частного бизнеса (Semenova 2011: 913). В свою очередь, Г. Гилл, указывает на рост доли министров с опытом работы в экономике в первые годы правления Путина: в 2000–2004 гг. она достигла почти четверти, а в правительстве, образованном в марте 2004 г., поднялась до примерно трети, причем преобладали выходцы из независимых коммерческих структур. Однако он подчеркивает, что речь идет о министрах, которые были не только бизнесменами, но и имеют разно-

образный профессиональный опыт (Gill 2008: 159–160). Рост присутствия крупного бизнеса в правительстве в первый срок Путина отмечают и другие авторы (Kryshchanovskaya, White 2005: 303). Наконец, по данным И.А. Заранкина, доля министров, чьей основной профессией является бизнес, в целом также увеличивалась в постсоветский период: от 0 % (1993–1996 гг.) до 12 % (2012–2017 гг.) (Заранкин 2018: 110).

Несмотря на ценность (хотя и некоторую противоречивость) приведенных выше данных, в целом рекрутирование бизнесменов в правительство России в постсоветскую эпоху вообще и в частности путинский период довольно скупо, можно сказать бегло, проанализировано в научной литературе. Недостаточно полно и систематически представлены различные показатели работы членов правительства в бизнесе, описана роль разных его сегментов как поставщиков министров, показаны факторы, влияющие на присутствие выходцев из коммерческой сферы в правительстве. Восполнить эти пробелы призвано настоящее исследование.

Данные и метод

Согласно конституции, правительство России состоит из председателя правительства, его заместителей и федеральных министров. В исследуемую совокупность были включены все персоны (всего 136 человек), занимавшие указанные должности с 17 мая 2000 г., когда было сформировано правительство во главе с М.М. Касьяновым (предшествующее правительство во главе с Путиным, подавляющее большинство членов которого были назначены еще в 1990-е годы, при президенте Ельцине, не рассматривалось) по конец сентября 2021 г., когда собиралась биографическая информация. Всего за это время функционировало восемь правительств РФ. Причем в анализ включены только «полноправные» министры, а временно исполнявшие обязанности не учитывались. Поскольку десять членов правительства входили в него в рассматриваемый период два раза с перерывом, они были учтены дважды, и общий объем исследуемой совокупности составил 146 единиц (количество членов различных правительств указано в табл. 1).

На каждого члена правительства была заполнена структурированная биографическая анкета, содержащая информацию о его карьерном пути, а также некоторые другие сведения (включая владение коммерческими организациями). Источниками информации служили официальные сайты органов государственной власти, коммерческих и других организаций, материалы СМИ, отчеты компаний, биографические интернет-порталы (такие как viperson.ru, lobbying.ru).

Таблица 1

Количество членов различных правительств РФ в 2000–2021 гг.

Кабинет	Количество персон
Правительство 2000–2004, председатель М.М. Касьянов	44
Правительство 2004–2004, председатель М.Е. Фрадков	17
Правительство 2004–2007, председатель М.Е. Фрадков	24
Правительство 2007–2008, председатель В.А. Зубков	22
Правительство 2008–2012, председатель В.В. Путин	34
Правительство 2012–2018, председатель Д.А. Медведев	42
Правительство 2018–2020, председатель Д.А. Медведев	32
Правительство с 2020, председатель М.В. Мишустин	35

Результаты исследования

В таблице 2 показаны основные каналы рекрутирования правительственной элиты России в 2000–2021 гг.

Как видим, явно доминирующую роль играют административные органы, прежде всего федеральные (опыт работы в них имеют 75 %). Причем многие министры (39 %) имеют предшествующий опыт работы в возглавляемом ими министерстве. Четверть членов правительства работала в администрации президента (АП), должности в которой чаще всего служили прямым трамплином к правительственным позициям (больше всего выходцев из нее было в кабинете Путина и первом кабинете Медведева, которые, перед тем как возглавили правительство, были президентами). Вместе с тем выходцы из администраций субъектов РФ также представлены широко (36 % имеют опыт работы в них и 12 % пришли непосредственно оттуда, чаще всего с поста губернатора), что неудивительно в условиях характерного для современной России централизованного федрализма, способствующего обмену кадрами между центром и регионами. При этом почти половина членов правительства имеет опыт работы в научно-образовательной сфере, но только в исключительных случаях он доминирует в их предшествующей постсоветской карьере (часто относится к ее началу) и редко непосредственно предшествует назначению в правительство. Что касается представительных органов, то опыт работы в них (преимущественно в Федеральном собрании, чаще в ГД, чем в СФ) играет второстепенную роль в карьере членов правительства (больше всего персон с опытом членства в ФС вообще и его нижней палате в частности было в первом правительстве Медведева, тогда как в кабинете Мишустина их вообще нет). Примеры непосредственного рекрутирования законодателей на правительственные посты очень редки,

Таблица 2

Каналы рекрутирования членов правительства РФ (%), N=146

Каналы рекрутирования	Наличие опыта работы	Половина и более постсоветской карьеры до вхождения в правительство	Должность, предпреществующая вхождению в правительство**	Должность, предшествующая вхождению в правительство**
Административные органы (после 1991)	87	58	69	74
Представительные органы (с 1990)	18	3	6	4
Коммерческие организации (после 1991, не считая членства в советах директоров в качестве чиновников)	56 (68*)	22 (25*)	14 (18*)	11 (25*)
Научно-образовательные организации	49	9	7	10

* С учетом тех, кто входил в советы директоров в качестве чиновников.

**Часть членов кабинетов 2000–2021 гг. (21 чел.) вошли в правительство еще в 1990-е годы. Но если исключить их из исследуемой совокупности, то распределение предшествующих и предпреществующих позиций по каналам рекрутирования изменится мало — на 1–2 % (в частности, уменьшится доля выходящих из научно-образовательной сферы и увеличится роль представительных органов).

как и случаи, когда законодательный опыт играл основную роль в предшествующей карьере членов правительства.

Бизнес (коммерческая сфера), как видно из таблицы 2, является важнейшим каналом рекрутирования членов правительства за пределами административной системы. Более половины членов правительства имеют опыт работы в коммерческих организациях после 1991 г. на тех или иных (обычно ключевых¹) позициях (а если учитывать членство в советах дирек-

¹ К ключевым отнесены должности генеральных директоров, председателей правлений, президентов и их заместителей, директоров по направлениям, председателей и членов советов директоров.

торов компаний в качестве чиновников, то доля превысит две трети). У заметного меньшинства опыт работы в бизнесе доминировал в постсоветской карьере. Вместе с тем следует отметить, что доступ выходцев из бизнеса на правительственные посты является, как правило, косвенным: лишь немногие министры работали в коммерческих организациях, находясь в должности, предшествующей или предпредшествующей вхождению в правительство. Иными словами, хотя опыт работы в бизнесе широко распространен среди правительственной элиты России, позиции в нем обычно не служат прямым трамплином к министерским постам, что отражает и закрепляет автономию политико-административной сферы.

Что касается присутствия выходцев из бизнеса в целом в различных кабинетах, то, даже без учета членства в советах директоров в качестве чиновников, во всех правительствах, кроме кабинета во главе с Касьяновым, большинство министров имели предшествующий опыт работы в коммерческой сфере (табл. 3).

Однако роль такого опыта в карьере различна: если при Касьянове у каждого четвертого он доминировал в постсоветской карьере, то в правительствах, сформированных после 2003 г., таких деятелей гораздо меньше (и больше карьерных чиновников). В правительствах во главе с Путиным и Медведевым их присутствие возросло и достигло максимума при Мишустине, превысив четверть. Если же мы посмотрим на должности, непосредственно предшествующие и предпредшествующие вхождению в правительство вообще (а не только в данный кабинет), то тенденция во многом аналогична: присутствие бизнесменов заметно снизилось в 2004–2008 гг. (во втором правительстве Фрадкова и кабинете Зубкова), а затем достигло максимума при Мишустине. Наконец что касается позиции, непосредственно предшествующей вхождению в данный состав кабинета, то она редко была в бизнесе, однако тенденция сходна: во втором правительстве Фрадкова и правительстве Зубкова прямых выходцев из бизнеса вообще не было, затем их доля начала расти, достигнув уровня, наблюдавшегося в кабинете Касьянова, и составила максимум при Мишустине. Следует отметить, что доля прямых вхождений из бизнеса в данный кабинет возрастет, если рассматривать только тех персон, которые не были членами правительства на момент назначения в рассматриваемый кабинет. Из таких министров-новичков примерно 9–11 % напрямую пришли из бизнеса в правительстве Касьянова и первом правительстве Фрадкова, в двух последующих кабинетах эта доля сократилась до нуля и возросла до 11 % при премьер-министре Путине, затем снова упала (6–7 % в правительствах, возглавляемых Медведевым) и, наконец, составила максимум (25 %) при Мишустине.

Таблица 3

Опыт работы членов различных кабинетов в бизнесе*, %

Кабинет	Наличие опыта	Должность, предшествующая вхождению в данный состав кабинета	Должность, предшествующая вхождению в правительство вообще	Должность, предшествующая вхождению в правительство вообще	Половина и более постсоветской карьеры в до вхождения в правительство вообще
1	2	3	4	5	6
Правительство 2000–2004, председатель М.М. Касьянов (n=44)	45 (45*)	5	11	11	25
Правительство 2004–2004, председатель М.Е. Фрадков (n=17)	53 (53*)	6	6	12	12
Правительство 2004–2007, председатель М.Е. Фрадков (n=24)	58 (58*)	0	4	8	12,5
Правительство 2007–2008, председатель В.А. Зубков (n=22)	59 (59*)	0	5	9	9
Правительство 2008–2012, председатель В.В. Путин (n=34)	59 (56*)	6	9	12	12
Правительство 2012–2018, председатель Д.А. Медведев (n=42)	64 (62*)	5	5	12	17
Правительство 2018–2020, председатель Д.А. Медведев (n=32)	56 (50*)	3	3	9	16

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6
Правительство с 2020, председатель М.В. Мишустин (n=35)	54 (46*)	14	17	23	26

* Занимали ключевые посты в компаниях.

Какого типа бизнес представлен в составе правительственной элиты? Следует отметить, что многие министры имеют опыт работы в крупных компаниях. В частности, 18 % работали в компаниях, входящих в рейтинг журнала «Эксперт», или фирмах, контролирурующих такие компании (не считая членства в советах директоров в качестве чиновников). Причем присутствие лиц с опытом работы в таких компаниях имеет тенденцию к росту: если в кабинете Касьянова и первом правительстве Фрадкова их было всего по двое, то в первом правительстве Медведева и при Мишустине их количество достигло 11 (но надо учитывать, что рейтинг существует только с 1995 г.). Обычно именно из довольно крупных фирм происходило непосредственное вхождение в правительство. Даже если мы учитываем как крупные только компании из рейтинга журнала «Эксперт» (а это довольно узкий критерий), то окажется, что 5 % министров работали в них, как правило, на ключевых позициях, прямо перед занятием правительственной должности (т.е. почти половина всех членов правительства, непосредственно пришедших из бизнеса), а 12 % занимали в них предпродвинувшую позицию. Однако ситуация варьирует по кабинетам: пятеро членов правительства Мишустина непосредственно перед назначением в него работали в таких компаниях, тогда как в предшествующих кабинетах — не более одного. В целом можно сказать, что прямые динамические переплетения правительственной и экономической элит России имеют место, хотя не очень распространены. Если говорить о конкретных крупных компаниях и бизнес-группах, то особенно широко представлены в правительственной элите выходцы из структур (прежде всего «Норильского никеля»), контролируемых В.О. Потаниным (пятеро), а также из «Альфа-групп», РАО «ЕЭС», «Газпрома» (и «Газпромбанка») — по четыре.

Что касается формы собственности, то в целом среди министров значительно шире распространена занятость в частном секторе, однако в качестве более или менее непосредственного их поставщика преобладает

госсектор. Но надо сказать, что значимость этих секторов как источника рекрутирования варьировалась по кабинетам: если в правительстве Касьянова занятость в них была распространена примерно одинаково, то в правительствах во главе с Фрадковым, Зубковым, Путиным и Медведевым выходцы из частного бизнеса явно преобладали, тогда как при Мишустине доля выходцев из государственных компаний значительно возросла. Говоря о занятости будущих министров в частном бизнесе, нужно отметить, что многие из них (более четверти) являлись крупными акционерами (участниками) и учредителями компаний. В частности, М.А. Абызов на момент назначения принадлежал к числу богатейших бизнесменов страны, владея группой Ru-Com и входя в рейтинг Forbes. В качестве предпринимателя менее крупного масштаба можно привести министра по развитию Дальнего Востока А.С. Галушку, совладельца консалтинговой компании «МОК-центр».

В отраслевом разрезе наиболее широко присутствие в составе правительственной элиты лиц с опытом работы финансовом секторе (банках, инвестиционных и страховых компаниях), а также (с большим отставанием) в электроэнергетике, СМИ и рекламе, нефтегазовой промышленности, транспорте, телекоммуникациях и пр. Следует отметить, что, как и ожидалось, довольно развито рекрутирование министров из отраслей, курируемых возглавляемыми ими министерствами (такая практика имеет место во всех кабинетах, но особенно распространена при Мишустине). Так, все министры путей сообщения в рассматриваемый период имели опыт работы в железнодорожной отрасли, ряд министров транспорта ранее работали в транспортных компаниях (С.О. Франк — в «ДВМП», И.Е. Левитин — в «Северстальтранс», В.Г. Савельев — в «Аэрофлоте»), а некоторые министры сельского хозяйства были выходцами из АПК или тесно связанного с ним бизнеса (А.Н. Ткачев владел и руководил ЗАО «Агрокомплекс», а Д.Н. Патрушев возглавлял «Россельхозбанк»).

Наконец, как показывает таблица 4, паттерн рекрутирования членов правительства из бизнеса варьирует в зависимости от типа их должности.

Как и ожидалось, доля персон, работавших в бизнесе, как и доля тех, в чьей постсоветской карьере такой опыт доминирует, наиболее высока среди глав экономических министерств в сравнении с руководителями социальных и силовых министерств. Именно экономические министры преобладают среди прямых выходцев из бизнеса в составе правительственной элиты. На ключевых должностях в правительстве (премьер и вице-премьеры) лица, имеющие постсоветский опыт работы в коммерческом секторе, представлены, как видно из таблицы 4, даже шире, чем во всей совокупности элиты. Так, премьер-министр Фрадков ранее воз-

Таблица 4

Опыт работы членов правительства в бизнесе по типу должностей, %

Тип должности	Наличие опыта	Половина и более постсоветской карьеры до вхождения в правительство
Премьер-министры (n=6)	66	0
Вице-премьеры (n=41)	63	7
Экономические министры (n=46)	70	37
Социальные министры (n=23)	35	9
Силовые министры (n=14)	21	7
Вся правительственная элита (n=146)	56	22

главлял компанию «Ингосстрах», а Медведев работал в корпорации «Илим Палп Интерпрайз». Его преемник Мишустин был президентом «ОФГ капитал партнерз» и вообще из всех глав кабинетов сделал самую длительную и успешную профессиональную карьеру в бизнесе, что могло повлиять на его кадровые предпочтения при формировании кабинета. В целом, однако, случаи, когда такой опыт доминировал в карьере, встречаются среди наиболее высокопоставленных членов правительства гораздо реже, чем у правительственной элиты вообще. В предправительственной карьере ключевых членов кабинета, в качестве критериев отбора которых особенно важны лояльность и близость к президенту, ведущую роль играет опыт работы в административной сфере, включая АП.

Особенности формы правления, политического режима и правового статуса членов правительства как факторы рекрутирования бизнесменов на правительственные посты

Форма правления и политический режим

Структура возможностей правительственной карьеры в России, включая рекрутирование выходцев из бизнеса в правительство, определяется рядом обстоятельств. Важную роль играют предусмотренная конституцией форма правления и фактически сложившийся политический режим, определяющие распределение власти в процессе формирования правительства.

В плане конституционного устройства Россия сочетает черты сверхпрезидентской и полупрезидентской систем (Голосов 2021: 100–102). Хотя

правительство несет двойную ответственность — перед президентом и парламентом, именно главе государств отведена решающая роль в формировании кабинета (поправки в Конституцию, принятые 2020 г., формально расширили роль Федерального собрания). Следует отметить, что, в отличие от парламентских демократий, в РФ срок полномочий правительства ограничен сроком полномочий президента, а не парламента, причем ГД, в отличие от президента, не может отправить в отставку ни правительство, ни его председателя, но может сама быть распущена после трехкратного отклонения представленных президентом кандидатур на пост премьера.

Помимо конституционного дизайна, важно то, что в первой половине 2000-х годов в России сложился персоналистский авторитарный режим, сменивший «дефективную демократию» (Голосов 2021: 99). Он характеризуется фактической сверхконцентрацией власти в руках Путина (как президента, а в 2008–2012 гг. — премьер-министра), который доминирует в политическом процессе. При этом парламент является слабым и зависимым институтом, который глава государства контролирует посредством пропрезидентской партии «Единая Россия». В этих условиях роль федеральной легислатуры (и партий) в формировании правительства, как и ответственность кабинета перед ней, преимущественно декоративны, а президент пользуется широкой свободой при выборе кандидатур на правительственные должности.

Характеристики формы правления и политического режима могут отчасти объяснять выявленные в ходе нынешнего и предыдущих исследований особенности источников рекрутирования и карьеры членов правительства России. Как и во многих президентских республиках, в России опыт работы в парламенте редко встречается среди министров, а решающими являются такие вытягивающие факторы их рекрутирования, как лояльность, близость к президенту, а также управленческая и техническая компетентность (Semenova 2015). В этих условиях неудивителен широкий приток в кабинет высокопоставленных госслужащих из федеральной исполнительной власти и АП (особенно учитывая, что сам президент сделал административную карьеру). Что касается бизнеса, то второстепенная роль парламента и контроль президента над формированием кабинета, вероятно, расширяют также возможности притока на правительственные посты топ-менеджеров госкомпаний, никогда не занимавших постов в публичной политике (при этом, возможно, имеющих опыт работы в административной сфере) и сделавших длительную карьеру в отраслях, подведомственных министерствам, которые они возглавляют. Яркие примеры — Н.Г. Шульгинов и В.Г. Савельев, министры энергетики и транспорта в правительстве Мишустина. При этом нельзя утверждать,

что слабость законодательной и технократическое, внепарламентское рекрутирование министров в нашей стране вообще способствует более широкой распространенности среди них опыта работы в коммерческой сфере, хотя в ряде стран бизнесмены действительно сверхпредставлены среди министров без политического опыта (Verzichelli, Cotta 2018: 95; Costa Pinto, Tavares de Almeida 2018: 129, 131; Ilonszki, Laurentiu 2018: 227). Ведь выходцы из бизнеса традиционно широко присутствуют среди депутатов и сенаторов (Semenova 2011: 914–915; Тев 2021: 65–68), и вообще плутократическое рекрутирование более свойственно парламентариям, чем являющимся главным поставщиком членов правительства высокопоставленным госслужащим, доминирующей тенденцией карьеры которых является бюрократическая профессионализация. Фактически, как показало исследование, опыт работы на ключевых постах в бизнесе среди министров с парламентским опытом распространен не меньше, а больше, чем во всей совокупности правительственной элиты.

Правовой статус членов правительства: несовместимость позиций

Вторым важным фактором, формирующим структуру возможностей правительственной карьеры и влияющим на ее издержки для выходцев из коммерческой сферы, являются законодательно установленные ограничения на совмещение правительственной должности с занятием бизнесом. Формально в России членам правительства не разрешено заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой. Они (как и госслужащие) «не вправе заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, в том числе участвовать в управлении хозяйствующим субъектом независимо от его организационно-правовой формы, если иное не предусмотрено федеральными законами или если в порядке, установленном Правительством Российской Федерации в соответствии с федеральными законами, им не поручено участвовать в управлении этой организацией» (Федеральный закон... 2020; Федеральный закон... 1997). Это означает, что члены правительства могут входить в органы управления (советы директоров) коммерческих организаций только в качестве представителей государства.

Данный запрет может быть связан с издержками правительственной и вообще административной карьеры для бизнесменов. Хотя зарплаты российских министров довольно высоки по международным меркам (особенно если сравнивать со средней зарплатой в стране) (Почему у российских министров... 2017) и они также имеют многочисленные льготы и привилегии, по размеру вознаграждения они нередко значительно

уступают топ-менеджерам крупных государственных и частных компаний (Дятел, Козлов 2020), для которых переход из коммерческой сферы в административную может быть чреват существенными потерями в доходе. Впрочем, следует отметить, что действующие министры могут извлекать пассивный доход из бизнес-активов (который нередко оказывается весьма значительным), поскольку им не запрещено владеть ценными бумагами и долями российских коммерческих организаций (если это не приводит к конфликту интересов) при условии передачи их в доверительное управление (Федеральный закон... 1997; Федеральный закон... 2013). Возможность участия министров в капитале коммерческих организаций, использование в России «традиционных» механизмов доверительного управления, не налагающих каких-либо ограничений на взаимодействие собственника и доверительного управляющего (Маскалева, Конов 2021: 8–11), отсутствие запрета родственникам членов правительства (супругам, детям и пр.), на которых часто переписывается имущество, владеть и заниматься бизнесом — все это позволяет им в той или иной мере также сохранять фактический, пусть и косвенный, контроль над компаниями. Примечательно, что сами министры публично признают, что «помогают советом» своим детям-коммерсантам (Глава Минпромторга... 2020).

При этом, однако, принятый в 2013 г. федеральный закон запретил членам правительства (как и некоторым другим категориям лиц, включая парламентариев и госслужащих) «открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами (Федеральный закон... 2013). Причем запрет распространяется на их супругов и несовершеннолетних детей. Учитывая офшорный характер крупной собственности в России, этот запрет может создавать определенные проблемы для сохранения контроля над капиталом и извлечения дохода из его функционирования при переходе на работу из бизнеса в правительство и подрывать мотивацию предпринимателей к министерской и вообще административной карьере. Кстати, косвенным образом это подтверждается уходом из СФ после принятия закона ряда сенаторов — крупных бизнесменов.

В целом в свете регулярных скандалов вокруг семейного бизнеса и конфликта интересов членов правительства (обычно не имеющих серьезных негативных последствий для их карьеры) и учитывая половинчатость описанных выше запретов и ограничений и трудности контроля над соблюдением некоторых из них, не стоит переоценивать их действенность и те издержки, которые они создают при уходе с постов в коммерции

в администрацию и правительство, а значит, и их негативное влияние на мотивацию к такому переходу и на присутствие бизнесменов в кабинете.

Рекрутирование выходцев из коммерческой сферы на правительственные посты в контексте взаимоотношений федеральной власти и крупного бизнеса

В научной литературе сложился консенсус по поводу того, что в 2000-е годы с приходом к власти Путина отношения крупного бизнеса и государства на федеральном уровне существенно изменились. Во второй половине 1990-х узкая группа магнатов, поддержавших Ельцина на выборах 1996 г., пользовалась большим политическим влиянием. Иногда утверждается, что крупный бизнес в этот период играл ведущую роль во взаимоотношениях с федеральной властью, доминировал в правящей коалиции, имели место «захват государства» и «приватизация власти» (Yakovlev 2006; 2015; Barsukova 2019: 35–36, 47–48). Впрочем, другие авторы высказываются осторожнее, говоря о симбиотических отношениях государства и крупного бизнеса (Зудин 2006). Эти тенденции выразились и в кадровой политике: отдельные магнаты были назначены на видные государственные посты (в частности, Потанин стал вице-премьером), и многие выходцы из их компаний заняли высокие должности в федеральных органах, включая АП. Отношения государства и крупного бизнеса начали меняться уже после кризиса 1998 г., ослабившего «олигархов», но более явные сдвиги произошли с приходом к власти нового президента. Вместе с организационным и финансовым усилением государства эти отношения вступили в этап, который нередко определяется как переходный, характеризующийся компромиссом (Thompson 2005), относительно равным взаимодействием (Бунин 2004; Yakovlev 2015). В этот период государство в лице правительства Касьянова проводило довольно либеральную политику в экономической сфере, осуществив ряд реформ в интересах бизнеса. Впрочем, он оказался недолгим: новый поворот ознаменовало в 2003 г. «дело ЮКОСА», после которого, как обычно считается, установилось доминирование государства, сохраняющееся до настоящего времени, а большинство либеральных реформ было свернуто (Зудин 2006; Lamberova, Sonin 2018a). Часто утверждается, что произошел «захват бизнеса» (Yakovlev 2006), превратившегося в простого поставщика ресурсов для государства (Зудин 2006) и его слугу (Thompson 2005: 199). По другой, на наш взгляд более правомерной, точке зрения, крупный бизнес (государственный и частный) продолжал входить в правящую коалицию, но на правах младшего партнера (Yakovlev 2015). Причем в этот период готовность власти к диалогу с ним и учету его интересов была непосто-

янной, усиливаясь в некоторые моменты, например после 2008 г. (Зудин 2013: 28–31; Yakovlev 2015).

Значительное ослабление крупного бизнеса по отношению к государству на федеральном уровне, вероятно, создавало в целом неблагоприятные условия для притока, прежде всего непосредственного, выходящих из него в административную элиту и правительство. Как мы видели, по ряду показателей плутократизации кабинеты, действовавшие в течение второго срока Путина, существенно уступали предшествующему правительству Касьянова. Автономизация государства скорее должна была способствовать «внутреннему» рекрутированию министров из административной сферы, бюрократической профессионализации правительственной элиты, которая, как мы видели, является ведущей тенденцией ее карьеры. Впрочем, и в путинский период крупный бизнес сохранял существенные рычаги политического влияния. Ряд его властных ресурсов и возможностей, а также особенностей взаимоотношений с государством на федеральном уровне может быть важен для понимания рекрутирования (прямого и косвенного) бизнесменов в кабинеты, которое, как было показано, достигло максимума при Мишустине.

Во-первых, такое рекрутирование может быть связано с сохраняющейся структурной властью бизнеса по отношению к государству, основанной на зависимости материальных возможностей и легитимности государственных деятелей от состояния экономики, которое, в свою очередь зависит от инвестиционных решений капиталистов. Эта власть относительна и вариативна. В последние десятилетия ее усиливала глобальная экономическая интеграция, выразившаяся в росте мобильности капитала (а значит, способности капиталистов «наказывать» государство за неблагоприятную политику), которой способствовал офшорный характер крупной собственности в России (Матвеев 2019: 60). Однако ее ослабляли сильная зависимость экономики и госбюджета России от имобильных сырьевых отраслей, возросшая в 2000-е годы (Соколов 2020), значительное расширение в 2000–2010-е госсектора в экономике (включая ТЭК), подрывавшее контроль частного бизнеса над инвестициями и источниками доходов государства (Lamberova, Sonin 2018a), тенденция к экономической изоляции после 2014 г. Складывание в 2000-х годах авторитарного персоналистского режима уменьшило зависимость государства от контроля избирателей, который неоднозначно связан со структурной властью, будучи, с одной стороны, часто противовесом ей, а с другой — в форме экономического голосования, составной частью ее механизма. Кроме того, приоритетные для государства при Путине вопросы внутренней безопасности и внешней политики, а также «патриотическая мобилизация» населения после 2014 г.

отодвигали на второй план задачи стимулирования инвестиций и экономического роста (Lamberova, Sonin 2018a). Наконец, структурная власть бизнеса зависела и от экономической конъюнктуры. В частности, в период экономического бума и высоких цен на нефть, пришедшийся на второй срок Путина, государство, вероятно, могло позволить себе меньше заботиться об обеспечении благоприятного делового климата, чем в начале 2000-х или после экономических кризисов и падений цен на нефть в 2008 и 2014 гг. В целом структурная власть бизнеса, которая, по всей видимости, была сильнее в первый срок Путина, чем в последующий период, могла проявиться в ряде особенностей политики государства, включая либеральные реформы правительства Касьянова; отказ государства от фронтальной атаки на крупный бизнес в 2000-е годы, во многом обусловленный страхом оттока капитала и экономической дестабилизации (Thompson 2005: 184); консервативную макроэкономическую политику; рост готовности власти к диалогу с бизнесом после 2008 г.

Связь между структурной властью бизнеса и присутствием выходцев из него в правительстве неоднозначна. С одной стороны, некоторые авторы склонны утверждать, что в условиях объективной зависимости государства от капитала непосредственное участие капиталистов в управлении государством не является необходимым и существенным (Poulantzas 1973: 245). Впрочем, эта точка зрения сомнительна, поскольку структурные принуждения относительно и вовсе не гарантируют благоприятной бизнесу политики. Назначение на правительственные посты выходцев из бизнеса, разбирающихся в экономических вопросах и пользующихся авторитетом в деловой среде, может как отражать структурную власть, так и играть важную роль в механизме ее реализации. Такие персоны в силу своей профессиональной социализации могут быть особенно способны и склонны проводить политику в интересах бизнеса, а их назначение может служить сигналом деловому сообществу, призванным показать, что управление экономикой находится в надежных руках, и повысить его доверие к государству. В этой связи примечательно, что назначение в 2020 г. премьер-министром Мишустина вызвало позитивные отклики ряда представителей бизнеса, особенно отмечавших именно его успешный опыт работы в частной инвестиционной компании (Крупные инвесторы... 2020). Впрочем, значимость структурной власти как фактора вхождения бизнесменов в правительство не стоит переоценивать, поскольку в плане обеспечения доверия бизнеса подходящими назначенцами вовсе не обязательно являются выходцы из него, но и, скажем, авторитетные «либеральные экономисты», сделавшие карьеру в административной или академической и экспертной сферах. Так, хотя деловое сообщество может быть особенно восприимчиво

к назначениям на должности в экономическом блоке правительства, но, например, среди министров финансов и экономического развития рассматриваемого периода, пожалуй, единственной персоной с длительной карьерой в бизнесе был М.С. Орешкин. Остальные работали преимущественно в государственных органах (например, А.Г. Силуанов всю жизнь трудился в Минфине), а также академических и аналитических организациях.

Во-вторых, рекрутирование выходцев из бизнеса на правительственные (и вообще административные) посты может быть связано с различными формами его инструментальной власти, способности намеренно влиять на политику государства. Разгром в 2000–2001 гг. медиаимперий Б.А. Березовского и В.А. Гусинского и особенно «Дело ЮКОСА», отчасти вызванное недовольством тем, что М.Б. Ходорковский финансировал оппозицию на выборах в ГД, ознаменовали ослабление этой власти крупного бизнеса, чьи возможности проявлять несогласованную с государством политическую активность на федеральном уровне были сведены к минимуму. Тем не менее бизнес сохранил значительный потенциал намеренного влияния на федеральную политику. В частности, он играет важную роль в финансировании избирательных кампаний (Wilson 2007; Hutcheson 2012), хотя значимость такой поддержки ослабляется государственным субсидированием партий, а в случае ЕР и ее кандидатов также мощным «административным ресурсом». Кроме того, в начале 2000-х годов в рамках курса на институционализацию и корпоративизацию отношений государства и бизнеса возросла роль деловых ассоциаций, оказывавших немалое влияние на экономическую политику, которое, испытывая в дальнейшем спады и подъемы (например, оно ослабло во второй срок Путина и несколько возросло при Медведеве), остается существенным (Зудин 2013а; Yakovlev 2015). В основе успешной лоббистской активности ассоциаций бизнеса во многом лежит возросшая зависимость государства от них как источника информации и экспертизы (Зудин 2013б: 6). В некоторых случаях работа в авторитетной и влиятельной предпринимательской ассоциации, активно взаимодействующей с государством, и поддержка с ее стороны, возможно, были фактором политико-административной карьеры членов правительства. В этой связи стоит отметить назначение сопредседателя «Деловой России» А.С. Галушки министром по развитию Дальнего Востока, а также то, что еще несколько правительственных деятелей (в том числе бывший министр экономического развития Э.С. Набиуллина) в ходе предшествующей карьеры состояли в штате или правлении РСПП. Наконец, обсуждая инструментальную власть, следует сказать и о влиянии бизнесменов

на политику, которое становится возможным благодаря их неформальным связям с государственными деятелями, игравшим большую роль в путинский период, несмотря на провозглашение «равноудаленности» крупного бизнеса от государства. Если в начале 2000-х особой близостью к власти еще пользовались предприниматели, входившие в «семью» — ближайшее окружение Ельцина, то в дальнейшем выделилась группа бизнесменов, тесно связанных с новым президентом — «друзей Путина». Неформальные связи могут способствовать притоку ставленников бизнеса в госаппарат. Так, в правительство входил ряд персон, ранее работавших в структурах бизнесменов, в разное время особо приближенных к власти. Например, министр и вице-премьер И.И. Шувалов работал в компании «АЛМ-консалтинг», принадлежащей А.Л. Мамуту, считавшемуся членом ельцинской «семьи», а вице-премьер Д.Н. Чернышенко и министр транспорта В.Г. Савельев прежде руководили компаниями «друзей Путина» — соответственно Г.Н. Тимченко (Volga Group) и Ю.В. Ковальчука (Банк «Россия»).

В-третьих, важным фактором политического влияния и правительственной карьеры бизнесменов является такой ресурс, как компетентность, которая включает два основных аспекта. С одной стороны, управленческий опыт, навыки руководства разветвленными организациями, которые могут быть востребованы в административной сфере. Как отмечает Д. Жакони, «директора в корпоративном мире должны контролировать различные команды, организовывать информационные потоки, управлять бюджетами и физическими ресурсами, а также делегировать обязанности, и все это с целью максимизации эффективности, производительности и прибыльности. Ученые даже утверждали, что ключевые социальные навыки, необходимые для успеха в бизнесе — убеждение, переговоры и манипулирование — могут найти соответствующее применение в политической жизни. Такие организационные способности и проницательность отличают бизнесменов от политиков, принадлежащих к профессиям, где управленческие обязанности играют второстепенную роль по сравнению с применением своих специализированных знаний, таким как медицина, инженерия или право. Деловые люди могут быть более эффективными менеджерами и, следовательно, более способны улучшить работу правительства» (Szakonyi 2020: 217). С другой стороны, выходы из бизнеса, в отличие от представителей многих других социально-профессиональных групп, обладают хорошим знанием экономики и ее конкретных отраслей, которое может быть ценным для государственных органов, прежде всего экономических и отраслевых министерств. Благодаря этому они могут быть предпочтительными кандидатами

на некоторые административные и правительственные должности, особенно те позиции, в сфере ответственности которых находятся экономические вопросы. В частности, широко распространенная практика назначения руководителями министерств выходцев из подведомственных им отраслей, видимо, в значительной степени связана с превосходством таких персон над другими кандидатами на правительственные должности в плане специализированной, «технической» компетентности. Впрочем, не следует переоценивать востребованность бизнесменов в госаппарате: логика функционирования коммерческой и политико-административной сфер и, следовательно, способности и компетенции, необходимые для успешной работы в них, все же существенно различаются (Буравцева 2013). Кроме того, компетенции, которые могут быть важны для министра, не являются монополией бизнесменов и присутствует в той или иной мере у ряда других групп, например, высокопоставленных государственных служащих (управленческий опыт) и представителей академической сферы (знание экономики). Вместе с тем тесная связь бизнесменов с конкретными фирмами и отраслями может рассматриваться как их недостаток в качестве кандидатов на правительственные должности, поскольку важным условием эффективной управленческой деятельности государства, в частности в экономической сфере, является его автономия от специфических коммерческих интересов.

В-четвертых, хотя экспансия госсектора в экономике и подрывала структурную власть бизнеса, наличие крупных государственных компаний может благоприятствовать притоку выходцев из коммерческой сферы в правительство. Такие компании, в сравнении с частными фирмами, особенно тесно взаимодействуют с государством (прежде всего отраслевыми министерствами), которое не только выступает их собственником, но и представлено своими должностными лицами в их советах директоров. Благодаря этому между государственными деятелями и топ-менеджерами складываются знакомства и связи, являющиеся вытягивающими факторами рекрутирования и способствующие движению кадров, которое, как показывает исследование, довольно интенсивно (в частности, именно госсектор является основным прямым поставщиком министров из коммерческой сферы). Кроме того, государственные предприятия, особенно монополии (типа РЖД и РАО «ЕЭС»), по характеру своей деятельности довольно близки к административным органам, поэтому их менеджерам, вероятно, легче адаптироваться на административных постах. Надо также отметить, что для руководителей государства менеджеры госпредприятий могут быть, в сравнении с выходцами из частного бизнеса, предпочтительными кандидатами на правительственные и вообще административ-

ные должности еще и потому, что они профессионально социализированы в духе уважения к интересам государства, признания их приоритета. Наконец, руководителями крупнейших государственных фирм нередко, по принципу патронажа и лояльности, назначаются персоны, лично связанные, например, посредством совместной работы в прошлом или родства, с президентом и его ближайшим окружением, и эти связи могут выступать фактором, вытягивающим их не только на видные посты в госсекторе, но и в дальнейшем на высокие государственные должности. Ярким примером в этом отношении является министр сельского хозяйства в правительстве Мишустина Д.Н. Патрушев — сын близкого соратника Путина, секретаря Совета безопасности РФ Н.П. Патрушева, в прошлом председатель правления государственного «Россельхозбанка».

В-пятых, заинтересованность бизнеса в рекрутировании своих представителей на правительственные должности и другие административные посты, являющийся трамплином к ним, может усиливать «кумовской» характер российского капитализма (Волкова 2016; Our Crony-Capitalism Index 2014). В путинский период личные связи с государственными деятелями (политические связи) были важны для успешного накопления капитала. Это подтверждает пример «друзей Путина», которые, благодаря неформальным связям с президентом, обогатились, получая огромные правительственные контракты (Lamberova, Sonin 2018b; Grigoriev, Zhirkov 2020). Зарубежные исследования показывают, что бизнес может извлекать выгоды и из более формальных политических связей, когда выходцы из него занимают государственные посты (Luechinger, Moser 2014), особенно в странах со слабой правовой системой и высоким уровнем коррупции (Faccio 2006), к которым относится и Россия. В прессе регулярно появляются сообщения о том, что компании, руководители или владельцы которых входят в правительство РФ, переживают бурный рост или получают крупные госконтракты (Долбины... 2007; Шлейнов 2012; Сагдиев, Виноградова 2016). Вместе с тем заинтересованность бизнеса в продвижении «своих людей» в правительство и другие административные органы, как нерыночной стратегии накопления капитала, не стоит преувеличивать: формальные политические связи чреваты издержками для фирм, и пока на российском материале их выгодность на федеральном уровне систематически не доказана.

Заключение

Бизнес является наиболее значимым за пределами административной сферы источником рекрутирования членов правительства, что может способствовать учету его интересов в государственной политике. Боль-

шинство министров имеет опыт работы в коммерческой сфере, обычно на ключевых постах. Однако бизнес, как правило, косвенный поставщик членов кабинета: позиции в нем редко служат прямым трамплином к правительственным должностям.

Доля выходцев из бизнеса зависит от типа должности: они гораздо шире представлены среди руководителей экономических министерств, чем социальных и, особенно, силовых. На ключевых позициях в кабинете (должностях премьеров и вице-премьеров) опыт работы в бизнесе распространен шире, чем во всей правительственной элите, но доля персон, в чьей постсоветской карьере он доминирует, гораздо меньше.

Присутствие бизнеса в правительственной элите существенно варьировало в путинский период. По важнейшим показателям плутократизации правительство Касьянова превосходило кабинеты, функционировавшие во второй срок президентства Путина, но в дальнейшем доля выходцев из бизнеса возросла, достигнув максимума при Мишустине (который сам сделал довольно длительную карьеру в бизнесе, что могло влиять на подбор членов его кабинета).

Говоря о типе бизнеса, представленного в правительстве, следует отметить, что хотя занятость в частных фирмах наиболее распространена среди его членов, их главным непосредственным поставщиком служит госсектор. Имеют место динамические переплетения экономической и правительственной элит страны: существенная доля членов правительства работала в крупных компаниях, являющихся основным прямым каналом рекрутирования правительственных деятелей из бизнеса. Кроме того, министры нередко приходят из компаний, принадлежащих к отраслям, подведомственным соответствующим министерствам.

Говоря о факторах рекрутирования выходцев из бизнеса в правительство, следует отметить, что слабость парламента и контроль президента над формированием кабинета могли способствовать притоку в него технократов, руководивших госкомпаниями. Важно учитывать и характер взаимоотношений крупного бизнеса и государства в 2000–2021 гг. Ослабление бизнеса и автономизация государства, особенно после 2003 г., вероятно, создавали в целом неблагоприятные условия для рекрутирования (особенно непосредственного) выходцев из коммерции в административную сферу. Тем не менее бизнес сохранил существенные рычаги политического влияния: его структурная и инструментальная власть могла способствовать притоку его представителей в административные органы, включая правительство. Зависимость государства от бизнеса в плане управленческой и «технической» компетентности также выступает зна-

чимым фактором правительственной карьеры бизнесменов. Кроме того, рекрутированию выходцев из бизнеса в политико-административную сферу способствует и «государственный капитализм»: руководители крупных госкомпаний особенно тесно взаимодействуют с чиновниками, что облегчает обмен кадрами. Наконец, «кумовской» характер капитализма может усиливать заинтересованность бизнеса установлении политических связей в форме «колонизации» административных позиций (хотя выгоды от них не стоит преувеличивать).

Литература

Голосов Г. (2021) От пост-демократии к диктатуре: консолидация электро-авторитаризма в России. Рогов К. (ред.) *Новая реальность: Кремль и Голем. Что говорят итоги выборов о социально-политической ситуации в России*. М.: Либеральная миссия: 98–112.

Заранкин И.А. (2018) *Сравнительный анализ моделей и факторов рекрутирования министров правительств Российской Федерации и Французской республики*. Дис. ... канд. полит. наук. М.

Зудин А. (2006) Государство и бизнес в России: эволюция модели взаимоотношений. *Неприкосновенный запас*, 6 [<https://magazines.gorky.media/nz/2006/6/gosudarstvo-i-biznes-v-rossii-evolyucziya-modeli-vzaimootnoshenij.html>] (дата обращения: 23.05.2021).

Зудин А.Ю. (2013а) Бизнес и государство в России: опыт применения подхода Норта-Уоллиса-Вайнгаста. Статья 1. Этапы развития российских бизнес-ассоциаций. *Общественные науки и современность*, 2: 15–31.

Зудин А.Ю. (2013б) Государство и бизнес в России (опыт применения концепции Норта-Уоллиса-Вайнгаста). Статья 2. Тенденции развития отношений между государством и бизнесом. *Общественные науки и современность*, 3: 5–17.

Маскалева О., Конов А. (2021) *Доверительное управление как инструмент предотвращения и урегулирования конфликта интересов*. Рабочие материалы. Вып. 2. М.: Антикоррупционный центр НИУ ВШЭ [https://anticor.hse.ru/assets/working_material_files/3_ru.pdf] (дата обращения: 17.11.2021).

Матвеев И.А. (2019) Крупный бизнес в путинской России: старые и новые источники влияния на власть. *Мир России*, 28 (1): 54–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-54-74>.

Соколов М.М. (2020) Нефтегазовые доходы бюджета и их влияние на развитие российской экономики. *Вестник Института экономики Российской академии наук*, 5: 125–137. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10061>.

Тев Д.Б. (2021) Члены Совета Федерации: карьера до вхождения в должность и после прекращения полномочий. *Мир России*, 30 (4): 53–78. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78>.

Barsukova S. (2019) Informal Practices of Big Business in the Post-Soviet Period: From Oligarchs to “Kings of State Orders”. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 27 (1): 31–50.

Beach B., Jones D.B. (2016) Business as usual: politicians with business experience, government finances, and policy outcomes. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 131 (A): 292–307. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2016.09.010>.

Bennett A.J. (1996) *The American President's Cabinet: From Kennedy to Bush*. L.: Palgrave Macmillan.

Carnes N., Lupu N. (2015) Rethinking the Comparative Perspective on Class and Representation: Evidence from Latin America. *American Journal of Political Science*, 59 (1): 1–18. <https://doi.org/10.1111/ajps.12112>.

Chaisty P. (2013) The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma. *Europe-Asia Studies*, 65 (4): 717–736. <https://doi.org/10.1080/09668136.2013.767605>.

Costa Pinto A., Tavares de Almeida P. (2018) The Primacy of Experts? Non-partisan Ministers in Portuguese Democracy. In: Costa Pinto A., Cotta M., Tavares de Almeida P. (eds.) *Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies*. L.: Palgrave Macmillan: 111–137.

Cotta M. (1991) Conclusion. In: Blondel J., and Thiebault J-L (eds.) *The Profession of Government Minister in Western Europe*. N.Y.: St. Martin's Press: 174–198.

Dreher A., Lamla M.J., Lein S.M., Somogyi F. (2009) The Impact of Political Leaders' Profession and Education on Reforms. *Journal of Comparative Economics*, 37 (1): 169–193. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2008.08.005>.

Faccio M. (2006) Politically Connected Firms. *American Economic Review*, 96 (1): 369–386. <https://doi.org/10.1257/000282806776157704>.

Fortescue S. (2012) The Russian economy and business–government relations. In: Gill G., and Young J. (eds.) *Routledge Handbook of Russian Politics and Society*. L.; N.Y.: Routledge: 274–287.

Freitag P.J. (1975) The Cabinet and Big Business: A Study of Interlocks. *Social Problems*, 23(2): 137–152. <https://doi.org/10.2307/799652>.

Gill G. (2008) *Bourgeoisie, State, and Democracy: Russia, Britain, France, Germany, and the USA*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press.

Gill T.M. (2018) The Persistence of the Power Elite: Presidential Cabinets and Corporate Interlocks, 1968–2018. *Social Currents*, 66 (1): 128–144. <https://doi.org/10.1177/2329496518797857>.

Hansen E.R., Carnes N., Gray V. (2019) What Happens When Insurers Make Insurance Laws? State Legislative Agendas and the Occupational Makeup of Government. *State Politics & Policy Quarterly*, 19 (2): 155–179. <https://doi.org/10.1177/1532440018813013>.

Hanson P. (2011) Networks, Cronies and Business Plans: Business—State Relations in Russia. In: Kononenko V., Moshes A. (eds.) *Russia as a Network: What Works in Russia When State Institutions Do Not*. L.: Palgrave Macmillan: 113–138.

Hutcheson D.S. (2012) Party Finance in Russia. *East European Politics*, 28 (3): 267–282. <https://doi.org/10.1080/21599165.2012.689978>.

Ilonszki G., Stefan L. (2018) Variations in the Expert Ministerial Framework in Hungary and Romania: Personal and Institutional Explanations. In: Costa Pinto A., Cotta M., Tavares de Almeida P. (eds.) *Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies*. L.: Palgrave Macmillan: 203–233.

Jochimsen B., Thomasius S. (2014) The perfect finance minister: whom to appoint as finance minister to balance the budget. *European Journal of Political Economy*, 34 (C): 390–408. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2013.11.002>.

Kryshstanovskaya O., White S. (2005) The rise of the Russian business elite. *Communist and Post-Communist Studies*, 38 (3): 293–307. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2005.06.002>.

Lamberova N., Sonin K. (2018a) The Role of Business in Shaping Economic Policy. In: Treisman D. (ed.) *The New Autocracy: Information, Politics, and Policy in Putin's Russia*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press.

Lamberova N., Sonin K. (2018b) Economic Transition and the Rise of Alternative Institutions: Political Connections in Putin's Russia. *Economics of Transition*, 26 (1): 615–648. <https://doi.org/10.1111/ecot.12167>.

Luechinger S., Moser C. (2014) The value of the revolving door: Political appointees and the stock market. *Journal of Public Economics*, 119 (C): 93–107. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2014.08.001>.

Nicholls K. (1991) The Dynamics of National Executive Service: Ambition Theory and the Careers of Presidential Cabinet Members. *The Western Political Quarterly*, 44 (1): 149–172. <https://doi.org/10.2307/448752>.

Poulantzas N. (1973) The Problem of the Capitalist. In: Blackburn R. (ed.) *Ideology in Social Science: Readings in Critical Social Theory*. N.Y.: Vintage Books: 238–253.

Scharfenkamp K. (2016) It's About Connections — How the Economic Network of the German Federal Government Affects the Top Earners' Average Income Tax Rate. *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 236 (4): 427–453.

Schneider B.R. (2010) Business Politics and Policymaking in Contemporary Latin America. In: Scartascini C., Stein E., Tommasi M. (eds.) *How Democracy Works: Political Institutions, Actors, and Arenas in Latin American Policymaking*. Washington, DC: IDB and DRCLAS, Harvard University: 217–246.

Semenova E. (2011) Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009. *Comparative Sociology*, 10 (6): 908–927 <https://doi.org/10.1163/156913311X607629>.

Semenova E. (2015) Russia: cabinet formation and careers in a super-presidential system. In: Dowding K., and Dumont P. (eds.) *The Selection of Ministers around the World*. L.; N.Y.: Routledge: 139–155.

Sotiropoulos D.A., Bourikos D. (2005) Ministerial Elites in Greece, 18432001: A Synthesis of Old Sources and New Data. In: Tavares de Almeida P., Costa Pinto A.,

Bermeo N. (eds.) *Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000*. L.: Frank Cass Publishers: 143–190.

Szakonyi D. (2020) *Politics for Profit: Business, Elections, and Policymaking in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.

Thiebault J.-L. (1991) The Social Background of Western European Cabinet Ministers. In: Blondel J., Thiebault J.-L. (eds.) *The Profession of Government Minister in Western Europe*. N.Y.: St. Martin's Press: 19–30.

Thompson W. (2005) Putin and the “Oligarchs”: A Two-Sided Commitment Problem. In: Pravda A. (ed.) *Leading Russia: Putin in Perspective: Essays in Honour of Archie Brown*. Oxford: Oxford University Press: 179–202.

Verzichelli L., Cotta M. (2018) Shades of Technocracy: The Variable Use of Non-partisan Ministers in Italy. In: Costa Pinto A., Cotta M., and Tavares de Almeida P. (eds.) *Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies*. L.: Palgrave Macmillan: 77–110.

Wilson K. (2007) Party Finance in Russia: Has the 2001 Law “On Political Parties” Made a Difference? *Europe-Asia Studies*, 59 (7): 1089–1113. <https://doi.org/10.1080/09668130701607094>.

Wirsching E. (2018) *The revolving door for political elites: policymakers' professional background and financial regulation*. Working Paper No. 222 [<https://www.ebrd.com/publications/working-papers/revolving-door>] (дата обращения: 07.12.2020).

Witko C., Friedman S. (2008) Business Backgrounds and Congressional Behavior. *Congress & the Presidency*, 35 (1): 71–86. <https://doi.org/10.1080/07343460809507652>.

Yakovlev A. (2006) The evolution of business-state interaction in Russia: From state capture to business capture? *Europe-Asia Studies*, 58 (7): 1033–1056. <https://doi.org/10.1080/09668130600926256>.

Yakovlev A.A. (2015) State-Business Relations in Russia after 2011: ‘New Deal’ or Imitation of Changes? In: Oxenstierna S. (ed.) *The Challenges for Russia's Politicized Economic System*. Oxford: Routledge: 59–76.

Источники

Бунин И. (2004) Власть и бизнес в новой России. *ПОЛИТКОМ.RU* [<http://www.politcom.ru/print.php>] (дата обращения: 22.07.2021).

Буравцева М. (2013) Есть ли жизнь после госслужбы. *Ведомости* [https://www.vedomosti.ru/management/articles/2013/06/21/zhizn_posle_gosslužhby] (дата обращения: 19.02.2021).

Волкова О. (2016) Ученые назвали политические связи главным источником богатства в России. *RBC.ru* [<http://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56bedc71a>] (дата обращения: 19.02.2021).

Глава Минпромторга рассказал о своей роли в бизнесе семьи (2020) *RBC.ru* [<https://www.rbc.ru/business/24/12/2020/5fe06d0e9a794774b4758230>] (дата обращения: 17.01.2021).

Долбины: семья Зурабовых, семья Полежаевых (2007) *Новая Газета* [<https://novayagazeta.ru/articles/2007/08/24/32220-dolbiny-semya-zurabovyh-semya-polezhaevyuh>] (дата обращения: 05.02.2021).

Дятел Т., Козлов Д. (2020) Какой премьер для подражания. Вознаграждение руководства госкомпаний могут подравнять по зарплате главы правительства. *Коммерсантъ* [<https://www.kommersant.ru/doc/4372677>] (дата обращения: 12.09.2021).

«Кабинет миллиардеров»: кого Трамп позвал работать в Белый дом (2017) *RBC.ru* [<https://www.rbc.ru/politics/07/01/2017/586fa22a9a794779a5a5ec02>] (дата обращения: 13.04.2021).

Команда Трампа против команды Обамы: бизнесмены и военные против политиков (2017) *TASS.ru* [<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3944346>] (дата обращения: 13.04.2021).

Крупные инвесторы оценили перспективы сотрудничества с правительством Мишустина (2020) *Lenta.ru* [<https://lenta.ru/news/2020/02/07/investments/>] (дата обращения: 14.04.2021).

Почему у российских министров такие большие зарплаты? (2017) *URA.ru* [<https://ura.news/articles/1036273462>] (дата обращения: 17.09.2021).

Федеральный закон «О Правительстве Российской Федерации» от 17.12.1997 N 2-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17107] (дата обращения: 12.09.2021).

Федеральный закон «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» от 07.05.2013 N 79-ФЗ (последняя редакция) [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_145998] (дата обращения: 12.09.2021).

Федеральный закон «О Правительстве Российской Федерации» от 06.11.2020 N 4-ФКЗ [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366950] (дата обращения: 12.09.2021).

Сагдиев Р., Виноградова Е. (2016) Как агрохолдинг министра Ткачева выбился в лидеры рынка. *Ведомости*. [<https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/08/08/652058-kak-agroholding-ministra-selskogo-hozyaystva-aleksandra-tkacheva-vibilsya-lideri-rinka>] (дата обращения: 16.03.2021).

Шлейнов Р. (2012) Кого еще из энергетиков можно проверить на наличие конфликта интересов. *Ведомости* [https://www.vedomosti.ru/library/articles/2012/01/23/ten_energetika] (дата обращения: 25.05.2021).

Our Crony-Capitalism Index: Planet Plutocrat (2014) *The Economist* [<http://www.economist.com/news/international/21599041-countries-where-politically-connected-businessmen-are-most-likely-prosper-planet>] (дата обращения: 23.04.2021).

BUSINESS AS A SOURCE OF RECRUITMENT OF MEMBERS OF THE RUSSIAN FEDERAL GOVERNMENT IN 2000–2021

Denis Tev (denis_tev@mail.ru)

The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Citation: Tev D. (2022) Biznes kak istochnik rekrutirovaniya chlenov Pravi-telstva RF v 2000-2021 gg. [Business as a source of recruitment of members of the Russian Federal Government in 2000–2021]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(4): 46–78 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.3>

Abstract. The article presents the analysis of the role of business as a source of recruitment of the Russian federal government elite in 2000–2021. The empirical basis of the study is a biographical database, which includes information about the career paths of 136 people who were members of the government. The study revealed that business is the most significant supplier of cabinet members outside the administrative sphere. Most members of the government had post-Soviet experience in commercial organizations (usually in key positions), but most often indirect: business positions rarely serve as a direct springboard to ministerial posts. The share of people who came from business depends on the type of government position (most of them are among economic ministers) and varies over time (there are especially many in the cabinet of Mishustin). As for the type of business, a significant proportion of government members worked in the largest firms. Private sector employment is the most widespread, but the public sector being the main direct supplier of cabinet members from business. The practice of recruitment of ministers from branches that are subordinate to the respective ministries is widespread. The article discusses in detail the various factors in the recruitment of businessmen for government positions. Among them are the form of government and political regime, peculiarities of the legal status of members of the government, structural and instrumental power of business, dependence of the state on business in terms of managerial and technical competence, the presence of a large public sector in the economy and the “crony” nature of capitalism.

Keywords: government, ministers, business, career, recruitment, elite.

References

- Barsukova S. (2019) Informal Practices of Big Business in the Post-Soviet Period: From Oligarchs to “Kings of State Orders”. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 27 (1): 31–50.
- Beach B., Jones D.B. (2016) Business as usual: politicians with business experience, government finances, and policy outcomes. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 131 (A): 292–307. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2016.09.010>.
- Bennett A.J. (1996) *The American President's Cabinet: From Kennedy to Bush*. London: Palgrave Macmillan.

Carnes N., Lupu N. (2015) Rethinking the Comparative Perspective on Class and Representation: Evidence from Latin America. *American Journal of Political Science*, 59(1): 1–18. <https://doi.org/10.1111/ajps.12112>.

Chaisty P. (2013) The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma. *Europe-Asia Studies*, 65(4): 717–736. <https://doi.org/10.1080/09668136.2013.767605>.

Costa Pinto A., Tavares de Almeida P. (2018) The Primacy of Experts? Non-partisan Ministers in Portuguese Democracy. In: Costa Pinto A., Cotta M., Tavares de Almeida P. (eds.) *Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies* London: Palgrave Macmillan: 111–137.

Cotta M. (1991) Conclusion. In: Blondel J., Thiebault J-L. (eds.) *The Profession of Government Minister in Western Europe* New York: St. Martin's Press: 174–198.

Dreher A., Lamla M. J., Lein S. M., Somogyi F. (2009) The Impact of Political Leaders' Profession and Education on Reforms. *Journal of Comparative Economics*, 37(1): 169–193. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2008.08.005>.

Faccio M. (2006) Politically Connected Firms. *American Economic Review*, 96(1): 369–386. <https://doi.org/10.1257/000282806776157704>.

Fortescue S. (2012) The Russian economy and business–government relations. In: Gill G., Young J. (eds.) *Routledge Handbook of Russian Politics and Society* London & New York: Routledge: 274–287.

Freitag P.J. (1975) The Cabinet and Big Business: A Study of Interlocks. *Social Problems*, 23(2): 137–152. <https://doi.org/https://doi.org/10.2307/799652>.

Gill G. (2008) *Bourgeoisie, State, and Democracy: Russia, Britain, France, Germany, and the USA*. Oxford, New York: Oxford University Press.

Gill T.M. 2018. The Persistence of the Power Elite: Presidential Cabinets and Corporate Interlocks, 1968–2018. *Social Currents*, 66(1): 128–144. <https://doi.org/10.1177/2329496518797857>.

Golosov G. (2021) Ot post-demokratii k diktature: konsolidacija jelektoral'nogo avtoritarizma v Rossii [From Post-Democracy to Dictatorship: Consolidation of Electoral Authoritarianism in Russia]. In: Rogov K. (ed.) *Novaja real'nost': Kremľ' i Golem. Chto govornjat itogi vyborov o social'no-politicheskoj situacii v Rossii* [New reality: the Kremlin and the Golem. What do the election results say about the socio-political situation in Russia?]. Moscow: Liberal mission: 98–112 (in Russian).

Hansen E.R., Carnes N., Gray V. 2019. What Happens When Insurers Make Insurance Laws? State Legislative Agendas and the Occupational Makeup of Government. *State Politics & Policy Quarterly*, 19 (2): 155–179. <https://doi.org/10.1177/1532440018813013>.

Hanson P. (2011) Networks, Cronies and Business Plans: Business-State Relations in Russia. In: Kononenko V., Moshes A. (eds.) *Russia as a Network: What Works in Russia When State Institutions Do Not*. London: Palgrave Macmillan: 113–138.

Hutcheson D.S. (2012) Party Finance in Russia. *East European Politics*, 28(3): 267–282. vol. <https://doi.org/10.1080/21599165.2012.689978>.

Ilonszki G., Stefan L. (2018) Variations in the Expert Ministerial Framework in Hungary and Romania: Personal and Institutional Explanations. In: Costa Pinto A., Cotta M., Tavares de Almeida P. (eds.) *Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies*. London: Palgrave Macmillan: 203–233.

Jochimsen B., Thomasius S. (2014) The perfect finance minister: whom to appoint as finance minister to balance the budget. *European Journal of Political Economy*, 34(C): 390–408. <https://doi.org/10.1177/1532440018813013>. 10.1016/j.ejpoleco.2013.11.002.

Kryshchanovskaya O., White S. (2005) The rise of the Russian business elite. *Communist and Post-Communist Studies*, 38(3): 293–307. <https://doi.org/10.1177/1532440018813013>. 10.1016/j.postcomstud.2005.06.002.

Lamberova N., Sonin K. (2018a) The Role of Business in Shaping Economic Policy. In: Treisman D. (ed.) *The New Autocracy: Information, Politics, and Policy in Putin's Russia*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press.

Lamberova N., Sonin K. (2018b) Economic Transition and the Rise of Alternative Institutions: Political Connections in Putin's Russia. *Economics of Transition*, 26(1): 615–648. <https://doi.org/10.1111/ecot.12167>.

Luechinger S., Moser C. (2014) The value of the revolving door: Political appointees and the stock market. *Journal of Public Economics*, 119(C): 93–107. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2014.08.001>.

Maskaleva O., Konov A. (2021) *Doveritel'noe upravlenie kak instrument predotvrascheniya i uregulirovaniya konflikta interesov* [Trust management as a tool for preventing and resolving conflicts of interest]. Working materials, no 2. Moscow: Anti-Corruption Center — HSE University [https://anticor.hse.ru/assets/working_material_files/3_ru.pdf] (accessed: 17.11.2021) (in Russian).

Matveev I.A. (2019) Krupnyj biznes v putinskoj Rossii: starye i novye istochniki vlijaniya na vlast' [Large Business in Putin's Russia: Old and New Sources of Power and Influence]. = *Mir Rossii* [Universe of Russia], 28(1): 54–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-54-74> (in Russian).

Nicholls K. (1991) The Dynamics of National Executive Service: Ambition Theory and the Careers of Presidential Cabinet Members. *The Western Political Quarterly*, 44(1): 149–172. <https://doi.org/10.2307/448752>.

Poulantzas N. (1973) The Problem of the Capitalist. In: Blackburn R. (ed.) *Ideology in Social Science: Readings in Critical Social Theory*. New York: Vintage Books: 238–253.

Scharfenkamp K. (2016) It's About Connections — How the Economic Network of the German Federal Government Affects the Top Earners' Average Income Tax Rate. *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 236(4): 427–453.

Schneider B.R. (2010) Business Politics and Policymaking in Contemporary Latin America. In: Scartascini C., Stein E., Tommasi M. (eds.) *How Democracy Works: Political Institutions, Actors, and Arenas in Latin American Policymaking*. Washington, DC: IDB and DRCLAS, Harvard University: 217–246.

Semenova E. (2011) Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009. *Comparative Sociology*, 10(6): 908–927. <https://doi.org/10.1163/156913311X607629>.

Semenova E. (2015) Russia: cabinet formation and careers in a super-presidential system. In: Dowding K., Dumont P. (eds.) *The Selection of Ministers around the World*. London; New York: Routledge: 139–155.

Sokolov M.M. (2020) Neftegazovye dohody bjudzheta i ih vlijanie na razvitie rossijskoj jekonomiki [Oil and Gas Budget Revenues and Their Impact on the Development of the Russian Economy]. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy*

of Sciences [Vestnik Instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk], 5: 125–137. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10061> (in Russian).

Sotiropoulos D.A., Bourikos D. (2005) Ministerial Elites in Greece, 18432001: A Synthesis of Old Sources and New Data. In: Tavares de Almeida P., Costa Pinto A., Bermeo N. (eds.) *Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000*. London: Frank Cass Publishers: 143–190.

Szakonyi D. (2020) *Politics for Profit: Business, Elections, and Policymaking in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tev D.B. (2021) Chleny Soveta Federacii: kar'era do vhozhenija v dolzhnost' i posle prekrashhenija polnomochij [Members of the Federation Council: Careers Before Taking Office and After Resigning]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 30(4): 53–78. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78> (in Russian).

Thiebault J-L. (1991) The Social Background of Western European Cabinet Ministers. In: Blondel J., Thiebault J-L (eds.) *The Profession of Government Minister in Western Europe*. New York: St. Martin's Press: 19–30.

Thompson W. (2005) Putin and the “Oligarchs”: A Two-Sided Commitment Problem. In: Pravda A. (ed.) *Leading Russia: Putin in Perspective: Essays in Honour of Archie Brown*. Oxford: Oxford University Press: 179–202.

Verzichelli L., Cotta M. (2018) Shades of Technocracy: The Variable Use of Non-partisan Ministers in Italy. In: A. Costa Pinto, M. Cotta, P. Tavares de Almeida (eds.) *Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies*. London: Palgrave Macmillan: 77–110.

Wilson K. (2007) Party Finance in Russia: Has the 2001 Law “On Political Parties” Made a Difference? *Europe-Asia Studies*, vol. 59(7): 1089–1113. <https://doi.org/10.1080/09668130701607094>.

Wirsching E. (2018) *The revolving door for political elites: policymakers' professional background and financial regulation*. Working Paper No. 222 [<https://www.ebrd.com/publications/working-papers/revolving-door>] (accessed: 07.12.2020).

Witko C., Friedman S. (2008) Business Backgrounds and Congressional Behavior. *Congress & the Presidency*, 35 (1): 71–86. <https://doi.org/10.1080/07343460809507652>.

Yakovlev A. (2006) The evolution of business-state interaction in Russia: From state capture to business capture? *Europe-Asia Studies*, 58(7): 1033–1056. <https://doi.org/10.1080/09668130600926256>.

Yakovlev A.A. (2015) State-Business Relations in Russia after 2011: ‘New Deal’ or Imitation of Changes? In: Oxenstierna S. (ed.) *The Challenges for Russia's Politicized Economic System* Oxford: Routledge: 59–76.

Zarankin I.A. (2018) *Sravnitel'nyj analiz modelej i faktorov rekrutirovanija ministrov pravitel'stv Rossijskoj Federacii i Francuzskoj Respubliki* [Comparative analysis of models and factors of recruitment of government ministers of the Russian Federation and the French Republic]. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskikh nauk [Dissertation for the degree of candidate of political sciences]. Moscow (in Russian).

Zudin A. (2006) Gosudarstvo i biznes v Rossii: jevoljucija modeli vzaimootnoshenij [State and business in Russia: evolution of the relationship model]. *Neprikosnovennyj zapas* [NZ], 6 [<https://magazines.gorky.media/nz/2006/6/gosudarstvo-i-biznes-v-rossii-evolyucziya-modeli-vzaimootnoshenij.html>] (accessed: 27.05.2021) (in Russian).

Zudin A.Ju. (2013a) *Biznes i gosudarstvo v Rossii: opyt primeneniya podhoda North-Wallis-Weingast. Paper 1. Etapy razvitiya rossiyskih biznes-associaciy* [Business and state in Russia: experience in applying the North — Wallis — Weingast approach. Paper 1. Stages of development of Russian business associations]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2: 15–31 (in Russian).

Zudin A.Ju. (2013b) *Gosudarstvo i biznes v Rossii: opyt primeneniya koncepcii North-Wallis-Weingast. Paper 2. Tendencii razvitiya otnosheniy mezhdru gosudarstvom i biznesom* [State and business in Russia: experience in applying the North — Wallis — Weingast concept. Tendencies in the development of the state — business relations]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 3: 5–17 (in Russian).